

ДУША МОЯ СИЛЬНЕЕ ВСЕ ГРУСТИТ...

С утратой лет, с потерей дней бесценных
(А память их надежно так хранит)
Душа моя – как поздний луч вечерний –
Сильнее все, заметил я, грустит.

Что ей, душе, до дней моих теченья?
Живи, твори, не ведая оков!
Так нет, она еще до вознесения
Тревожится, хлопочет о спасении, –
Чтоб было меньше у меня грехов.

* * *

Неуютно нынче в сентябре, –
На погоду все прогнозы ложны!
Веет сыростью на утренней заре,
На вечерней – стылостью осторожной.

Завершают птицы перелет.
Солнце светит реже, дни короче.
Все шумней в реке вода течет,
Все сильнее ветры среди ночи.
Стынут травы. Зябнут тополя, –
От тепла им мало что осталось.
И вздыхают тягостно поля,
Ощущая на плечах усталость.

Скоро снег на землю упадет.
Выйду посмотреть
на бездорожье, –
И звезда с небес ко мне сойдет
И наполнит сердце тихой дрожью.

РОДИНА

Где, в каких бы далях ни бывали,
И в каком ни жили мы краю, –
Все равно в тяжелый день печали
Вспоминаем родину свою.

Всех она жалеет и встречает.
И не потому ли на Руси,
Если в путь последний провожают,
То вослед усопшему бросают
Горсточку родной сырой земли.

Мне пока что в окна солнце светит,
Дышат вольной волей берега.
Кто-то, может, моря не заметит,
Ну а мне и капелька – река.

Для меня – окрест цветет смородина
И еще в придачу – лебеда...
Для кого-то просто слово – «родина».
Для меня – святое! Навсегда!

* * *

Снежные метели отзвенели,
Отскрипел морозом шар земной.
Снова небеса заголубели
И нависли детством надо мной.

Снова вижу: после долгой спячки
Почками вскипают тополя.
И дымится от лучей горячих
Влагой напоенная земля.

День, другой... – и гром разбудит поле,
И пройдет широкою волной.
Воздух вздрогнет. По всему предгорью
Зазвучит натянутой струной.

Даль качнется.
И с крутых отрогов
Вниз спадут последние ручьи.
В новый мир откроются дороги –
Удивляйся! Радуйся! Живи!

СКВОРЕЦ

Открылась даль.
И свод небесный
Цветами радуги горит.
И звуки превращая в песню,
Скворец на жердочке творит.

Свистит, взволнованно щебечет
О чем-то близком и родном
На птичьем на своем наречье,
Да так, что двор весь – ходуном!..

На ветках теплый снег дымится,
Исходит паром у крыльца.
И песня Вечности струится
Из уст волшебника-скворца!

СЕРЕДИНА ИЮЛЯ

Середина июля –
На земле травостой.
Медом полнятся ульи.
Глубиною – простор.

Солнце в полдень – отвесно –
Землю зноем поит.
Над покосом, у леса,
Жаворонок звенит.

Выйду к жаркому полю:
У дороги степной
Колос голову клонит,
Ждет страды золотой...

Вспыхнут в небе зарницы,
Сено свозят в стога,
И тугая пшеница
Потечет в закрома...

Край ты мой несравненный,
Мне ль искать лучших мест?! –
Я живу твоей верой.
Ты судьба. Ты и крест.

ТИШИНА

В горах такая тишина, –
Коснешься чутких сосен
И ты услышишь, как века
Скрипят земною осью.

Веков прошедших не вернуть,
Не воскресить из пыли...
Но все же хочется взглянуть,
Узнать, как предки жили

Вот здесь, в нагорной стороне,
Где их следы остыли...
Они, наверное, на земле
Не меньше нас любили:

Дыханье первого ручья –
Начало пробужденья...
Движение к свету муравья
Средь первого цветенья,

И эту неба синеву,
Где пребывает вечность,
И этих сосен тишину,
Что наши души лечит.

* * *

Дождя давно ждала земля.
И вот из тёмно-серой тучи
Он, тихоструйный и певучий,
Пошёл на знойные поля,

На обессиленные травы,
На безголосый лес... Потом
По небу прокатился гром, –
И всё вокруг затрепетало.

Дождь шёл. И радовались люди,
И воскресали зеленыя...
Его вбирала полной грудью
Благословенная земля.

Полдень, солнцем разогретый,
Зацелованный до слез,
Вниз стекает в каплях света
По крутым стволам берез.

Под густой резной листвою,
Возле сонного ручья,
Пахнет прелостью грибною
И дыханием дождя.

Весь исполненный томленья,
С узкой тропки наклонюсь
И во мху между корней
Вдруг увижу – белый груздь!

МОЯ РЕКА

Моя река... А что река?
Бежит себе – смеётся.
На зиму сузит берега,
Весною разольётся.

И руслом долгим потечёт,
Синь неба отражая,
Пока в объятья не возьмёт
Её волна обская.

А там и север недалёк, –
У ног его потрётся,
Охапки снега наберёт
И вновь ко мне вернётся.

Светла вода –
до камешков, до донца...
Но тень в окне.
Все реже дни,
раскрашенные солнцем,
живут во мне.
Ночных ветров
скупых и осторожных
не молкнет шум.
И на душе
печально и тревожно
от горьких дум.

Настанет осень.
Зябнуть перелескам
и стыть траве,
И мир, в котором мне
сегодня тесно,
сгорит в огне.
И станет дом –
не домом, а пустыней,
и страх возьмет...
... И только гроздь
сгорающей рябины
вдаль позовет.

* * *

Вот и вновь я на родину еду
Сбросить цепи душевных оков
И послушать живую беседу
Безутешных моих стариков.
На крылечке усядемся рядом,
Не заметив, как вспыхнут огни...
Ничего мне в ту пору не надо.
Ничего – только б жили они!

